

В. Г. Белинский

**Пятидесятилетний дядюшка,
или Странная
болезнь**

Виссарион Белинский

**Пятидесятилетний дядюшка,
или Странная болезнь**

«Public Domain»

1838

Белинский В. Г.

Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1838

По словам В. С. Межевича, близко знавшего Белинского, «Пятидесятилетний дядюшка» писался две-три недели для бенефиса М. С. Щепкина, очевидно, по просьбе последнего. Пьеса была представлена в московский театр 2 декабря 1838 г. Следовательно, она была написана в ноябре этого года. Ольдекоп, цензуровавший пьесу Белинского 9 декабря 1838 г., в своем отзыве о ней писал, что среди пьес, рассмотренных им, «Пятидесятилетний дядюшка» — «самая скучная, предлинная и утомительная, но, к счастью, невинная пьеса. Старый дядя влюблен в молодую свою племянницу и готов на ней жениться, но, узнав, что она любит своего двоюродного брата, он великодушно отступает и соединяет молодых»

Содержание

Действующие лица:	5
Действие первое	6
Явление I	6
Явление II	7
Явление III	9
Явление IV	14
Явление V	15
Действие второе	16
Явление I	16
Явление II	17
Явление III	18
Явление IV	20
Явление V	21
Явление VI	23
Явление VII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26
Комментарии	

В.Г. Белинский
Пятидесятилетний дядюшка
или Странная болезнь
Драма в пяти действиях¹

*Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами;
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.*

Пушкин

Действующие лица:

Н. М. ГОРСКИЙ, уездный помещик, пятидесяти лет.

ЛИЗАНЬКА и КАТЕНЬКА, сестры-сироты, воспитанницы Горского, старшая двадцати, младшая восемнадцати лет.

В. Д. МАЛЬСКИЙ, племянник и воспитанник Горского.

М. К. ХВАТОВА, уездная сплетница и сваха.

ПЛАТОН ВАСИЛЬЕВИЧ и АННА ВАСИЛЬЕВНА, дети Хватовой, оба лет тридцати.

А. С. КОРКИН, племянник Хватовой, уездный исправник, лет тридцати.

Ф. К. БРАЖКИН, отставной судья, старик лет пятидесяти пяти.

ИВАН, старый слуга Горского.

Действие первое

Явление I

ИВАН (*метя комнату*). Барин скоро встанет, а я не успел еще и подмести порядком. Но, того и гляди, что зазвонит. Да кто же виноват? Поди туда – скажи то, всё я да я – с ног сбился, а встал ни свет, ни заря.^[1] О барине что и говорить: такого барина не найдешь в целом свете. Только вот что: он что-то всё, то есть, не так как прежде. Иной раз и не узнаешь его – словно чужой. То молчит, то есть задумывается – уж зачитался, что ли? Ино место ни к чему придерется – хоть бы вчера: слышь – не туда книжку положил, так и беда – разобрал да и только! А уж вот сколько служу – до сей, то есть, минуты дурака не слышал от него, а нынче и осел и скотина – нипочем. Иной раз ведь нешто боязно слово сказать ему и ничем-то не угодишь – и то не так, и это зачем... Вытаращишь на него глаза да только творишь молитву,^[2] – а он и пуще, а после ведь и самому станет совестно... Уж словно напущенное, али с глазу, или уж не болен ли чем – в добрый час молвить, в худой помолчать. Вот и теперь – день рождения, а боюсь. Прибрать хорошенько, чтоб не придрался к чему. Барышни уж давно встали... Экие барышни-то – сущие ангелы... прости господи!.. Эх, кабы да Лизавете-то Петровне жонишка бог хорошенького послал!.. А то что? – родства нет, сироты круглые... Отец давно умер... Оно хоть они и зовут барина, то есть, дяденькой, хоть он и любит их, как родных дочерей – да что? – всё чужой – не свой. Оно, коли пойдет на правду, он любил покойника Петра Андреича – батюшку-то их, пуще отца родного, и с тем и взял их на руки, чтоб быть им отцом – да всё ведь чужая кровь – что ни говори (*Смотрит в окно*). Да вон и они сами, и Владимир Дмитрич с ними... Ну, это покончено – поскорей приниматься за другое.

Явление II

Входят Лизанька, Катенька и Мальский.

КАТЕНЬКА. Ну, что, Иван – дяденька проснулся, встал? Посмотри, какие мы сделали ему букеты! Но мой лучше всех, хоть Владимир Дмитриевич и спорит, что его лучше. По правда ли, Иван, ведь мой лучше?

ЛИЗАНЬКА. Эх, Катенька! Ты из-за букета забыла и дяденьку. Что, Иван, голубчик, встал дяденька?

ИВАН. Нет еще – заспались знать – вчера долго книжку читали.

КАТЕНЬКА. Ах, как дяденька обрадуется, когда, проснувшись, вдруг увидит наши подарки!.. Я уверена, что ему больше всего понравится мой портфель, с охотником и собакою. Я вышивала его целые полгода и так ловко, что он ни разу не застал меня за работою. (*Слышен колокольчик*).

ИВАН. Звонит – бегу! (*Уходит*).

КАТЕНЬКА. Ах, дяденька проснулся, встал! Пстой же, я знаю, что надо сделать! это будет забавно! Я приготовлюсь, как мне поднести ему мой букет. Вот отворится дверь – он показывается – я подхожу к нему с важным, торжественным видом – важно приседаю – он подумает, что я хочу произнести ему поздравительную речь; (*улыбаясь Мальскому*), а у нас кстати есть и господин ученый, которому ничего не стоит написать прекрасную речь – и, пожалуй, стихи – вдруг я оставляю свой важный вид – бросаюсь ему на шею – обнимаю его – целую – он называет меня шалуньей, ветреницей, глупою девочкою, а сам целует – у него на глазах слезы – он бережно берет мой букет – и я...

ЛИЗАНЬКА. Ах ты глупенькая девочка!

КАТЕНЬКА. Да, госпожа скромница, что ни говорите, а глупенькая девочка живет веселее вас: вы всё задумываетесь – мечтаете, словно влюбленная, а я пою, прыгаю, шалю – меня бранят и целуют, целуют и бранят...

ЛИЗАНЬКА (*целует ее*). Да как тебя и не целовать и не бранить! Ты мила, как ребенок, и резва, как ребенок.

КАТЕНЬКА. Милая сестрица, ведь – странное дело! – и я люблю тебя за то, за что всегда браню, – за то, что ты всегда тиха, важна, задумчива, точь в точь, как героиня какого-нибудь романа, с бледным челом, голубыми глазами...

ЛИЗАНЬКА (*прерывая ее поцелуем*). Полно, полно, болтушка...

КАТЕНЬКА (*продолжая свою речь*). Да чего лучше! – точь в точь как Татьяна Пушкина; а я – я настоящая Ольга, пустенькая, веселенькая девочка! Для сходства с нею мне недостает только Ленского, да и это не велика беда: я надеюсь, что Владимир Дмитриевич не откажется быть Ленским новой Ольги – он же и Владимир и студент, хотя и не Геттингенского, а Московского университета, он же и поэт...

МАЛЬСКИЙ. Полноте, Катерина Петровна; Владимир и студент – к вашим услугам; но поэт – извините...

КАТЕНЬКА. Полноте – не хочу и слышать. Еще в прошлое лето, как вы только что кончили свой курс и приехали к нам кандидатом, вы читали мне свои стихи, и очень милые, и теперь вдруг вздумали важничать, играть роль философа, смеяться над своим стихотворством, как над глупостию детства, из которого вы уже вышли. Полноте, полноте – вы дали мне слово быть моим кавалером на всё время, которое проживете с нами, и потому прошу мне ни в чем не противоречить: все стихи, какие ни прочту я в «Библиотеке для чтения» и других журналах – лучшие из них – ваши, только под чужим именем: из скромности или из гордости...^[3] Итак,

я Ольга Ларина – вы Владимир Ленский – до дуэли я вас не допущу ни с кем, но изменить вам для улана... не ручаюсь за верность до гроба...

ЛИЗАНЬКА (*с легким упреком*). Ах, Катенька, ты вечна разболтаешься!..

КАТЕНЬКА. Ну, полно, моя идеальная Татьяна; не всё важничать – не худо иногда и подурчиться. Как хочешь, а я непременно^[4] и сейчас же, в кругу наших знакомых, отыщу тебе Онегина... Постой... Степан Алексеич Коркин... хороший человек, только не Онегин... Иван Семенович Сахаркин – но это Петушков; Никанор Николаевич Курочкин – но это бог знает что такое... Экая досада! в нашем уезде нет Онегина! Как же мне с тобою быть, моя милая Татьяна?... это жалко!.. Я, простая, не идеальная девушка, которой поприще окончится прозаическим браком без любви, – я имею обожателя в лице Владимира Дмитриевича Мальского; а ты, моя милая, такая прекрасная, такая достойная любви...

ЛИЗАНЬКА. Но... Катенька, твои шутки становятся наконец нестерпимы, – и если ты не замолчишь, я в самом деле рассержусь на тебя. Прошу тебя, не порть мне нынешнего прекрасного дня...

КАТЕНЬКА (*бросаясь ей на шею*). Сестрица! милая, душенька! не сердись! В самом деле, я такая глупая – всегда разоврюсь и наговорю глупостей, которые тебя выведут из терпения, хоть у тебя и ангельский характер...

ЛИЗАНЬКА. Ну, не сержусь, не сержусь – успокойся.

КАТЕНЬКА (*с веселым видом*). Не сердисься? Докажи же мне это самым делом!..

ЛИЗАНЬКА. Чем хочешь – даю тебе слово.

КАТЕНЬКА. Вы слышали, Владимир Дмитриевич? она дала слово... (*Целует Лизаньку*). Милая сестрица, скоро выйдет дяденька... спрячемся за обе половинки двери... Владимир Дмитриевич скажет ему, что мы еще не выходили, он станет нас бранить... и мы вдруг выскочим и бросимся ему на шею.

ЛИЗАНЬКА (*смеясь*). Так в этом-то состоит твоя просьба! Чтобы утешить тебя, я должна сделать глупость...^[5]

КАТЕНЬКА. Сестрица! Лизанька! милая! сама знаю, что это глупо, но мне хочется сделать сюрприз... я помешана на сюрпризах...

ЛИЗАНЬКА. Скажи – на глупостях...

КАТЕНЬКА. Как угодно... только мне хочется позабавиться над изумлением дяденьки...

Явление III

Те же и Горский.

ГОРСКИЙ. Но не удастся, шалунья...

КАТЕНЬКА и ЛИЗАНЬКА (*обе вдруг*). Дяденька милый, любезный дяденька!.. (*Бросаются к нему на шею*). С днем вашего рождения!..

ГОРСКИЙ. Здравствуйте, здравствуйте, мои милые! Благодарю вас...

КАТЕНЬКА. Дяденька, возьмите поскорее мой букет и скажите – не лучше ли он других, а особенно букета Владимира Дмитриевича?..

ГОРСКИЙ. Постой, вострушка, дай мне опомниться ведь я с вами увиделся, точно как десять лет не виделся с вами, а ведь вчера, по обыкновению, благословил вас на сон грядущий... Володя, и ты тут! Что ж ты стоишь в стороне, как чужой?..^[6] Подойди-ко, поцелуемся.^[7] Эй, Иван! (*входит Иван*) там у меня стоят фарфоровые кувшинчики – возьми три штуки, налей в них воды и подай сюда. Эти цветы надо сберечь... и засохнут, я всё буду беречь... Много хранится у меня завялых цветов – всё ваши, мои милые – они завяли, а вы все расцветаете...

ЛИЗАНЬКА. И мы некогда завянем, милый дяденька...

ГОРСКИЙ. Э! вот и мечтать, моя милая!.. Мечтать я и сам люблю, да только я больше люблю веселые мечты...

КАТЕНЬКА. Ваш вкус сходен с моим, дяденька: я тоже люблю мечтать, да только о танцах, о балах, гуляньях, веселостях...

ГОРСКИЙ. Оно и подстать тебе, моя милая; но если ты и меня заставишь вместе с собою мечтать о танцах, балах, гуляньях и веселостях, так это будет немножко смешно...

ИВАН (*несет фарфоровые вазы для цветов*). Вот извольте-с, батюшка барин. (*Уходит*).

КАТЕНЬКА. Да о чем же, дяденька, больше и мечтать, как не о веселостях?

ГОРСКИЙ (*опуская в воду букеты*). А вот поживешь – узнаешь.^[8] (*Смотрит с восхищением на Лизаньку*). Ах, Лизанька, как ты мила, моя милая! Как идет к тебе этот важный, задумчивый вид!.. Не люблю унылости – люблю, чтобы всё на ходу пело, плясало, смеялось... никому не прощу важности, а на тебя не могу налюбоваться... Мне кажется, я разлюбил бы тебя, если ты вдруг сделалась резва, весела, игрива, вот как эта шалунья... (*Целует Катеньку в лоб*).

КАТЕНЬКА. Стало быть, злой дяденька, и мне надо задумываться и мечтать, чтобы вы меня не разлюбили?

ГОРСКИЙ. Полно, бог с тобою! Вот бы одолжила! Нет, вы обе должны быть такими, как вы есть – без перемены!

КАТЕНЬКА. Ну то-то же, дяденька! А то я было испугалась. Ах, дяденька, что же вы мне не скажете, что мой букет лучше всех?

ГОРСКИЙ. Лучше, лучше, шалунья!

КАТЕНЬКА. А как вам показался мой портфель, дяденька?

ГОРСКИЙ. Бесподобен, милая: собака, как живая, а охотник только что не говорит... А твой ландшафт, Лизанька, – я целое утро, часа два, не сводил с него глаз и целый, год буду смотреть на него... до нового подарка... Тебя тотчас узнаешь по выбору... Могила – на ней полуразвалившийся крест и зеленая елка, а подле дитя ловит бабочку – собачка, поднявши голову, как будто лает на пролетевшую птицу... Подойди ко мне, моя милая... дай поцеловать себя... Не хватай моей руки – дай мне свою... эта ручка стоит того, чтобы расцеловать ее. Ну, присядемте. Сядь возле меня, Лизанька. (*Сажает ее подле себя и держит ее руку в своей*).

КАТЕНЬКА (*ставши перед ними*). Ах, дяденька! ха! ха! ха!

ГОРСКИЙ. Что ты, ветреница, так хохочешь на меня? или смешнее меня ничего не нашла?

КАТЕНЬКА (*целует его руку*). Ах, дяденька, не сердитесь, но это, право, смешно...

ГОРСКИЙ. Что ж именно?

КАТЕНЬКА. Да вы просто щеголь, сами не замечали того, – и чем старее становитесь, тем делаетесь щеголеватее. Посмотрите: волосы у вас причесаны волосок к волоску коричневый сертук ваш так и отливает, а сидит на вас, как будто вы в нем и родились.

ГОРСКИЙ (*с досадою*). Эта болтушка вечно выдумает какую-нибудь глупость...

КАТЕНЬКА (*не замечая его досады и садясь подле него по другую сторону, с заботливостью сдувает пухинку с воротника его сертука*). Как пух пристает к бархату!.. Ах, дяденька, как идет к вам этот золотистый жилет – вы в нем так авантажны, как будто помолодели...

ГОРСКИЙ. Ты что ничего не говоришь, Лизанька? Эта трещотка отобьет себе язык.

ЛИЗАНЬКА. Милый дяденька, вы знаете, что я не разговорчива. Впрочем, начните – я постараюсь поддержать ваш разговор.

ГОРСКИЙ. Вот прекрасно! Я должен искать предмет для разговора, как темы для ученического сочинения, а ей нужно стараться поддержать мой разговор!..

ЛИЗАНЬКА. Но, милый дяденька, вы напрасно сердитесь и даете такой толк моим словам...

ГОРСКИЙ (*вскакивая*). Вот прекрасно, моя идеальная красавица! Да когда же я сердился? Вы просто нападаете на меня с некоторого времени, сударыня!..

ЛИЗАНЬКА. Боже мой! идеальная красавица, сударыня!.. (*Плачет*).

ГОРСКИЙ. Ну вот и слезы! славно начали день рождения! (*В сторону*). А всё моя хандра, моя досада, которая так и ищет к чему бы придраться! (*Вслух*). Лизанька! милая! не сердись!..

КАТЕНЬКА. Ах, дяденька, лучше бы вы прибили меня, – это бы мне было легче, чем видеть ее слезы... И что она вам сделала?..

ГОРСКИЙ. Лизанька! ангел мой! (*Про себя*). О, грубый, дикий характер, несчастный характер! (*Вслух*). Лизанька, на коленях прошу у тебя прощения!.. (*Становится на колени*).

ЛИЗАНЬКА (*вскочив с места*). Дяденька, милый дядюшка! что вы это? Встаньте или я еще больше заплачу. (*Оттирает глаза и улыбается*). Видите ли, я не плачу. Боже мой, сколько важности пустому обстоятельству! На что это похоже!.. А всё моя глупая чувствительность!..

ГОРСКИЙ. Нет, чорт возьми! это всё моя грубость, моя раздражительность!..

ЛИЗАНЬКА. Да разве мне не пора уж заметить, что вы с некоторого времени на себя не походите и что этому не может быть другой причины, кроме того, в чем страшно увериться...

ГОРСКИЙ (*прерывая ее*). А что, что такое думаешь ты?.. Какая причина?.. Я сам не понимаю ее... скажи...

ЛИЗАНЬКА. Ваше здоровье, милый дяденька, оно должно быть расстроено... Мне тяжело об этом подумать... не только вам сказать... Вам надо обратить на это всё свое внимание... надо лечиться... у вас какая-нибудь важная болезнь – не надо запускать ее...

ГОРСКИЙ (*в раздумье*). Да, конечно... мой характер изменяется... но я ничего не чувствую... никаких припадков...

КАТЕНЬКА. Милый дяденька... ваши лета... тут люди обыкновенно начинают чувствовать трудность жизни...

ГОРСКИЙ (*с беспокойством и досадою*). Лета?.. Конечно... но что же я за старик такой? ... Я крепкого сложения... болен почти никогда не бывал... Правда, я не молодой человек... но мне странно, если я уж кажусь стариком...

КАТЕНЬКА (*с лукавою усмешкою*). А вам, милый дяденька, не хочется казаться стариком?

ГОРСКИЙ (*сухо*). Что же делать! Если кажусь, то не могу запретить видеть...

КАТЕНЬКА. Послушайте, милый дяденька, по виду вы, конечно, не молодой, а пожилой человек, и притом такой любезный, такой милый, что в вас еще можно влюбиться... по крайней мере, я с охотою вышла бы за вас замуж, если бы вы в меня влюбились... Но характером – воля ваша – вы начинаете стареться, – и это огорчает нас. Мы с детства привыкли вас видеть веселым, оригинальным, милым, с вечным хохотом, с всегдашнею улыбкою и особенно с частым припевом «чорт возьми», который мы так любим...

ГОРСКИЙ. Нашла что любить!.. Ведь ты, Катенька, уже не ребенок, и у женщин твоих лет всегда бывает «чувство приличия», что ли, как вы его называете, а по-нашему «скромность», и у них ушки вянут от таких грубых слов и поговорок...

ЛИЗАНЬКА. Но, милый дяденька, у вас это слово так мило – оно выражает ваш простой, откровенный и прямой характер...

ГОРСКИЙ. Спасибо за любовь... Я вам верю... но вы уже в таких годах, что мне надо быть с вами деликатнее, осторожнее... К тому же ведь все думают, что я вам не дядя, а самый дальний родственник... некоторые же и знают, что я вам совсем не родня...

ЛИЗАНЬКА. Что нам до этого?... Для нас вы всегда – дяденька, наш милый дяденька... Иначе мы вас не хотим называть... Так к чему же все ваши холодные рассуждения о приличии и осторожности... не приличие, а любовь делает людей счастливыми... Любите же нас и обращайтесь с нами, как всегда... как с детьми... как с своими добренькими девочками, как вы нас всегда называли... и еще недавно называли... а теперь уж не называете больше... к нашему огорчению...

ГОРСКИЙ. Как?.. Да!.. Но это странно... вы уже не девочки... это, право, начинает становиться грубо, неприлично.

ЛИЗАНЬКА. Э, милый дяденька!^[9] Вы никогда не были светским человеком, ваше обращение всегда было просто, но мило... Теперь вам уж поздно переучиваться...

ГОРСКИЙ. Поздно! Да – конечно.

ЛИЗАНЬКА. А мы совсем не невесты – мы ваши добрые дочери – и всё наше счастье – никогда с вами не разлучаться.

КАТЕНЬКА. Прошу за других не ручаться – по крайней мере за меня. Я уж нашла себе обожателя в особе Владимира Дмитриевича и для него готова изменить дяденьке. Не краснейте, monsieur Мальский, стыдливый кавалер.

ЛИЗАНЬКА. Ах, Катенька, ты всегда так далеко простираешь свои шутки!

КАТЕНЬКА. Почему же и не шутить, когда весело шутить?

ЛИЗАНЬКА. И когда шутки всем приятны – прибавь.

ГОРСКИЙ (*в раздумье*). Да, Катенька, тебе замуж...

КАТЕНЬКА. Почему же именно мне? Ведь Лизанька старше меня?..

ГОРСКИЙ. Да... конечно, – но ведь она не говорит замужестве – стало быть, не хочет; а ты...

КАТЕНЬКА. Э, дяденька, молчание ничего не значит, и кто молчит, – тут-то... Не напрасно говорят: «В тихом омуте...», а кто говорит о замужестве, тот-то и не думает о нем.

ЛИЗАНЬКА. Катенька, ты опять с своими глупыми шутками!

КАТЕНЬКА. Не сердись, милая Лизанька, ведь ты знаешь, что я болтушка – меня все так называют. Потому, и вру по праву – чтоб оправдать свое название и недаром пользоваться привилегиею. Нет, дяденька, что смотреть на ее сурьезность и важность – надо ее замуж. Я всегда прыгаю и смеюсь, а она всё мечтает и задумывается, а это недаром. Нет, замуж ее, замуж! А чтоб доказать, как искренно я этого желаю, я на первый раз отказываюсь от своего обожателя Владимира Дмитриевича, и уступаю его ей.

ЛИЗАНЬКА (*вся вспыхнув*). Это уж не глупо, а пошло. Я... ты... всегда... это досадно... обидно. (*Плачет*).

ГОРСКИЙ. Катенька! глупая девчонка, чорт возьми! Да ты лучше бы зарезала меня тупым ножом!.. Плачет!.. Да – опять плачет!.. (*Рвет на себе волосы*). Болтушка бестолковая... только и знает, что врет глупости... О, чорт возьми!..

ЛИЗАНЬКА (*бросаясь на шею Катеньке*). Дяденька; дяденька! не браните Катеньку!..

ГОРСКИЙ. Как не бранить, чорт возьми!.. Да за это убить мало!.. И приплела тут чорт знает к чему Владимира Дмитриевича – чорт бы его побрал!..

ЛИЗАНЬКА. Дяденька, опомнитесь – не совестно ли нам... Чем тут виноват Владимир Дмитриевич?.. Одна дурочка сказала глупость, а другая расплакалась от этого, как ребенок... Вы видите, я не плачу...

ГОРСКИЙ. Да ты плакала... Я видел твои слезы... а твои слезы так дороги мне... так жгут мою душу, что за них от меня не отплачутся и кровавыми слезами!.. Да, плакала... от нее, чтоб ей самой век плакать!.. (*Посмотревши вокруг и остолбенев от изумления*). Ба! да и она плачет... Ну, плаксивый же нынче день... А всё я, чтоб чорт меня побрал, дикого полка, цепную собаку... Я с ума сойду... (*Плачет*). Вот же вам!..

ЛИЗАНЬКА и КАТЕНЬКА (*в один голос*). Дяденька! милый дяденька!.. Что с вами?..

ГОРСКИЙ. Ничего... плачу:, от досады... от бешенства... Ведь родятся же люди с таким грубым, бешеным характером, как я... Вот бы душить таких при рождении!..

МАЛЬСКИЙ. Дядюшка, вы себя не помните... придите в себя...

ГОРСКИЙ. Конечно... что и говорить... Придите в себя!.. легко сказать!.. Наделать глупостей... наговорить грубостей... пошлостей... заставить плакать... Да, приятель, тебе легко прийти в себя... ведь ты и не выходил из себя! Тебе что, что она плачет!.. По тебе, она хоть умри... Твое дело – сторона... Ты знаешь только вместе гулять... рвать цветы... для дядюшки... читать с ними Пушкина... фантазировать, мечтать... заноситься за облака... красно рассуждать о любви... по профессорским лекциям... Ты человек ученый... говорить умеешь... тебя заслушаешься... Ты мастер и любезничать и подслуживаться... а там, как дойдет до беды... тебе хоть трава не расти... чорт бы тебя взял... мечтатель проклятый... философ недопеченный... поэт доморощенный!..

МАЛЬСКИЙ. Зная вас хорошо, дяденька, я не сержусь... – и больше вам ничего не скажу...

ГОРСКИЙ. Да тебе что! Тебя чорт не урезонит!..

МАЛЬСКИЙ. Полноте, дядюшка – ведь вам самим потом будет совестно...

ГОРСКИЙ (*кланяясь*). Благодарю за наставление. Впрочем, я уж ушел от наставлений... Вон говорят, что я кажусь стар... Да! стар и глуп!..

МАЛЬСКИЙ. Дяденька, к чему всё это? Ведь я не плачу – я крепок на слезы...

ГОРСКИЙ. Что и говорить! У тебя слезы дороги...

МАЛЬСКИЙ. Зато вон у них дешево: посмотрите – они обе опять плачут...

ГОРСКИЙ. Да... плачут... Ну, так давайте же все плакать... О, вы хотите уморить меня медленной смертью!.. Дети, дети! простите меня... Видно, я и в самом деле болен!.. Да, болен... тяжело болен... а не знаю, чем и отчего... Может быть, это ипохондрия... близость к сумасшествию... Я часто задумываюсь так, что не слышу, когда меня зовут... Прежде никогда не бывало со мною этого... Иногда без всякой причины так бывает тяжело, грустно, что умер бы... А иногда без причины радостно... да и радость-то какая-то тяжелая... хуже печали а после нее не смотрел бы на свет божий... Иногда на весь свет так досадно, что рад на ком бынибудь зло сорвать... А таков ли я был прежде?.. Бывало лица печального не могу видеть... Хоть кого так назову бабой... Да, дети... болен... пожалейте...

ЛИЗАНЬКА и КАТЕНЬКА (*обнимая его*). Дяденька, милый, дяденька! бесценный дяденька... Мы будем молиться за вас!.. Бог помилует вас!.. (*Целуют его самого и руки его*).

ГОРСКИЙ (*целуя их и рыдая*). Мои милые! что бы я был без вас, а я так часто оскорбляю вас моим диким нравом... Володя, что ты стоишь... подойди ко мне... дай руку... прости... я виноват... обними меня... поцелуемся... (*Мальский бросается ему на шею*).

ГОРСКИЙ. Ух! – легче стало!.. Наказал бог!..

ЛИЗАНЬКА. Полноте, дяденька! Дайте слово не говорить об этом.

ГОРСКИЙ. Ах, Володя! обидел я тебя!..

МАЛЬСКИЙ. Вот еще! Я и не думал обижаться. Если в моих словах была заметна досада, то не за себя, а за них...

ГОРСКИЙ. Ты их любишь?.. А?..

МАЛЬСКИЙ. А разве вы в этом сомневаетесь?

ГОРСКИЙ. Да, Володя... люби их... как сестер... без фантазий... Я этим ничего особенного не хочу сказать... но так... знаешь... осторожность не мешает... Ты молод... воображение у тебя пылкое... Катенька ветрена, легка – она не увлечется сильным чувством... Лизанька...

ЛИЗАНЬКА (*прерывая его*). Дяденька!..

ГОРСКИЙ. Я, милая, ничего... я хочу только сказать, что у тебя воображение пылкое, романтическое... ты склонна к мечтательности... сердце у тебя чувствительное... конечно, всё это несколько не предосудительно... но мне случалось слышать... и даже видеть, что с таким характером часто бывают несчастны...

ЛИЗАНЬКА. Но к чему всё это?.. Я, право, не понимаю... Но не пойти ли нам в сад... походить до обедни... (*Про себя*). Это мучение!..

КАТЕНЬКА. А будет ли у нас нынче кто-нибудь?

ГОРСКИЙ. Ты знаешь, милая, что день рождения у меня – семейный праздник. Это всем известно, и никто ко мне не ездит в этот день, разве по крайней необходимости.

КАТЕНЬКА. Это жалко!

ГОРСКИЙ. Почему же? Разве тебе скучно с нами? Или кто-нибудь тебя особенно интересуется?

КАТЕНЬКА. Вы, дяденька, столько наделали мне вопросов, что я не знаю, на который сперва и отвечать вам. С вами мне весело, но я люблю многолюдство, и люди для меня никогда не бывают лишними. Меня никто не интересуется особенно – да и кому? все такие смешные – эти судьи, становые, помещики наши... А их жены и дочери... Всё это так смешно и так забавляет меня...

ГОРСКИЙ. Шалунья, ветреница!

Явление IV

Те же и Иван.

ИВАН. Батюшка, барин, Николай Матвейч... ей-богу-с...

ГОРСКИЙ. Что, брат Иван, ты никак уж?..

ИВАН. Нет-с, батюшка барин Николай Матвейч... ей-богу-с... и маковой росинки во рту не было...

ГОРСКИЙ. А капелька уж попала в горло?

ИВАН. Ей богу-с... уж так водится... Нынче, то есть, день вашего рождения, а мы службу господскую знаем...

ГОРСКИЙ. Да, я знаю, что ты без причины нехватишь.

ИВАН. И вестимо-с, батюшка барин Николай Матвейч, вестимо... то есть всегда или для праздника, или для барской, то есть, радости-с... для именин... для рождения... А что бы я был за слуга вашей милости... ваш, то есть, день рождения, батюшка барин Николай Матвейч... а я бы, то есть, не выпил бы-с... Ведь я еще служил вашему батюшке, покойнику-то барину... царство ему небесное!.. Матвею Ильичу... Право слово-с...

ГОРСКИЙ. Верю, верю, Иван: ведь мы с тобою не вчера познакомились.

ИВАН. А как же-с!.. Право-с!.. Сызмаленьку был на посылках при батюшке барине Матвее Ильиче... Бывало, царство небесное... без Ванюшки ни на час... всё будь тут... а Ванюшке-то было всего пять годочков... так в барских хоромах и рос... И покойница барыня... царство небесное... то есть, матушка-то ваша Авдотья Семеновна... тоже изволила жаловать... Бывало, из своих рук изволила и розгами Ванюшку... а чашка чаю уж всегда была... и тарелка со стола. Ведь и батюшка-то мой покойник... царство небесное... Филат Кузмич, был в милости... он и камердинер, то есть, и управляющий... право слово-с...

ГОРСКИЙ. Ну, хорошо, Иван! Пока ноги держат, ты там не зевай. После обедни придут крестьяне – так чтобы за угощением не было беспорядка, суматохи. Всего было бы вдоволь. Сам не сможешь – скажи Алексею и Петру; а пока можешь – хлопочи до упаду.

ИВАН. То есть, накажи бог... коли споткнусь, пока не свалюсь совсем... Буду бегать, что легавая собака... (*Спотыкается в дверях*).

Явление V

Те же, кроме Ивана.

ГОРСКИЙ. Это в задаток, что не споткнется, пока совсем не упадет!^[10] Ну, дети! нынешний день наш!.. сходим к обедне... помолимся богу... поблагодарим его за нашу мирную, счастливую жизнь... Потом покажемся крестьянам... а остальное время – всё наше! Теперь пойдем в сад – погуляем... Время прекрасное.... солнышко уж высоко... Пойдемте... надо пользоваться жизнью... дорожить каждой минутой...^[11] Марш!.. (*Подает руку Лизаньке, а Мальский – Катеньке*).

Действие второе

Явление I

ЛИЗАНЬКА (*одна*). Вот уже прошел месяц со дня его рождения, а дела идут всё хуже и хуже...^[12] Да, видно приходится проститься с нашим счастьем!.. (*Молчание*).^[13] Боже мой! а как мы были счастливы!.. Один день походил на другой, и все дни были так прекрасны... Его любовь заменяла нам всё и давала всё... Для нас он отказался от женитьбы, от службы... в нас нашел он свое счастье, нами жил, дышал, мы были дети его сердца, предметы его попечений, забот, дум, самых снов... А теперь как он переменился!^[14] И отчего такая перемена? За что он так возненавидел меня? Что я ему сделала?.. Отчего такая ненависть после такой любви?.. Да – он ненавидит меня... Самые ласки его ужасны: в них есть что-то странное – когда он жмет мою руку или целует меня – мне становится и стыдно и страшно... Отчего это? – оттого, что его ласки принужденны, насильственны: он хочет ими загладить свое дурное обращение со мною – старается победить свое ко мне отвращение... Зачем он не скажет мне прямо, что я ему ненавистна, что нам надо расстаться...^[15] Я намекну ему об этом – надо же положить этому конец!.. (*Смотрит в окно*). Вон они идут рука с рукою... оба веселы... довольны... счастливы... Что ж, надо же кому-нибудь быть счастливым!..

Явление II

Входят Катенька и Мальский

КАТЕНЬКА (*вбегая*). Ах, Лизанька, ты всё одна! Что ты тут делаешь?

ЛИЗАНЬКА. Ничего.

КАТЕНЬКА. И тебе не скучно? Погода такая прекрасная, в саду так хорошо! А мы всё бегали с Владимиром Дмитриевичем... Представь себе – какая досада! – я стала спорить, что он меня не догонит...

ЛИЗАНЬКА. Странная фантазия! Ты вперед могла знать, что проспоришь.

КАТЕНЬКА. Да я понадеялась на его любезность, а он был так невежлив, что далеко перегнал меня, да еще, поравнявшись со мною, насмешливо поклонился...

ЛИЗАНЬКА. Вам весело... Напрасно вы не продолжили своего удовольствия...

КАТЕНЬКА (*Мальскому*). Уж этого я вам никогда не прощу, невежливый кавалер... Это вы так изволите поступать, еще только объявивши себя моим обожателем: что же будет, когда мы женимся?... О, непременно отомщу вам за это...^[16] Лизанька, милая! что ты так грустно смотришь... ты как будто встревожена?

ЛИЗАНЬКА. Ничего, Катенька... так, просто... грустно... Мне бы хотелось поговорить с тобою...

КАТЕНЬКА. Очень рада! Я для тебя готова целый день просидеть взаперти, не сходя с одного стула, что мне всего труднее. Monsieur Мальский, не угодно ли вам уйти? Это же кстати, потому что вы до смерти надоели мне... Ступайте, ступайте – и если я не позову вас – не смейте являться мне на глаза.

ЛИЗАНЬКА. Ах, Катенька, ты без глупостей ни на минуту!..

КАТЕНЬКА. А тебе уж тотчас его и жаль стало! Нет, их не надо баловать! Коли назвался обожателем, должен сносить прихоти, капризы, словом – быть рыцарем в полном значении этого слова... А как приятно повелевать этими господами, которые – наши покорные слуги, пока остаются еще и качестве обожателей, а сделавшись мужьями, становятся самовластными повелителями... О, я не откажусь от прав моего пола, и хоть одному – да уж за всех отомщу... Подите, подите!

МАЛЬСКИЙ (*кисло улыбаясь*). Повинуюсь со всею готовностью (*уходит*).

Явление III

Лизанька и Катенька.

ЛИЗАНЬКА. Ты, Катенька, кажется, всю жизнь намерена дурачиться...

КАТЕНЬКА. Милая Лизанька, что ж делать, если это так приятно!

ЛИЗАНЬКА. Но пора, наконец, подумать о чем-нибудь серьезно...

КАТЕНЬКА. А о чем же, например?

ЛИЗАНЬКА. Разумеется, о том, что ближе к тебе... например, хоть о твоих отношениях к Владимиру Дмитриевичу...

КАТЕНЬКА. Да о чем же тут думать?

ЛИЗАНЬКА. Ты... любишь его?..

КАТЕНЬКА. Да кого ж я не люблю? Я всех люблю...

ЛИЗАНЬКА. Ну – ты... влюблена в него?

КАТЕНЬКА. Право, не знаю – потому что не знаю, что такое *влюбляться*.

ЛИЗАНЬКА. Вышла ли бы ты за него замуж?

КАТЕНЬКА. Почему же и нет, если бы он захотел на мне жениться?

ЛИЗАНЬКА. А если бы не захотел?

КАТЕНЬКА. Тогда бы я вышла за другого.

ЛИЗАНЬКА. За кого же?

КАТЕНЬКА. Кто бы посватался. Разумеется, если человек умный и благородный – за дурака и пошляка я не выйду... Умен, благороден, любезен, да если еще к тому смешон немножко, так что над ним можно будет иногда позабавиться, не оскорбляя ни его, ни себя – право, я не знаю, почему бы не идти за такого?

ЛИЗАНЬКА. А я так, право, не знаю, Катенька, жалеть о тебе или завидовать тебе должно...

КАТЕНЬКА (*пожимая ей руку*). Ни того, ни другого; милая Лизанька. Каждый чувствует, думает и поступает по-своему, как создал его, как велел ему бог; а бог ко всем справедлив: всякому дал он свою долю горя и свою долю радости...

ЛИЗАНЬКА (*грустно улыбаясь*). Как, шалунья, так и тебе дал он свою долю горя?

КАТЕНЬКА. А как же? Иногда сгрустнется, иногда как-то нехорошо... на душе тяжело... внутри волнение... на всё досадно... и себе не рада... Впрочем, я счастлива тем, что редко бываю в таком состоянии и скоро выхожу из него...

ЛИЗАНЬКА. Я так напротив: поэтому наши роли не равны...

КАТЕНЬКА. О, нет, милая Лизанька, равны, совершенно равны. Я не умею тебе это растолковать... но я чувствую это, и мне кажется, что наши доли, как и доли всех людей, совершенно равны... Ты больше меня грустишь, тяжелее страдаешь – зато и твои радости сильнее... И потому перестанем рассуждать и сравнивать, а будем лучше стараться – терпеливее сносить горе и беззаботнее предаваться радости, которую посылает нам добрый бог...

ЛИЗАНЬКА. Ах, Катенька, никогда не думала я услышать этого – ты меня радуешь...

КАТЕНЬКА. А как же бы вы думали обо мне, сударыня? Вы всё смотрите на меня, как на болтушку, и не подозреваете, что и я умею не только мечтать, но и философствовать... Впрочем, на меня редко находит охота философствовать... Смеяться, бегать, прыгать, петь – как-то занимательнее... Полно же, глупенькая умница, горевать, развеселись... А мне пора к моему кавалеру, которого я так невежливо прогнала от себя...

ЛИЗАНЬКА. Итак, ты не можешь решительно отвечать мне – любишь его или нет?

КАТЕНЬКА. *Любить*, как ты понимаешь это слово, то есть как страсть, как счастье или несчастье целой жизни? Нет – я не люблю его...

ЛИЗАНЬКА. А будешь ли *так* любить кого-нибудь и когда-нибудь?..

КАТЕНЬКА. Повторяю тебе – *его* не люблю; что же до твоего другого вопроса... то... я дам тебе на него ответ... когда-нибудь... в то время, как полюблю кого-нибудь... (*Убегает, напевая*).

Явление IV

ЛИЗАНЬКА (*одна*). Она, право, лучше меня!.. Она счастлива, а счастье есть награда доброй и чистой души, чуждой эгоизма... (*Молчание*)... Я хотела говорить с ней о дядюшке – и не сказала ни слова... Однако ж, мне стало как-то легче... Она его не любит; но можно ли ей поверить в этом... Да если б и так – мне-то что в этом? Ведь он всё-таки только об ней и думает, только ею и занят... Однако ж этот разговор много, много облегчил меня... А отчего!.. (*Качая головою*). А! понимаю тебя, хитрое и бедное сердце!.. Ты торгуешься с судьбою, и если не успело ничего выторговать, так радуешься, что и другие не счастливее тебя... (*Молчание*). Да! во мне есть демон греха!.. Я уж знаю ревность... зависть...^[17] Всё, всё против меня... и против всех нас, да только одна я должна всё нести на себе... Кто-то идет... голоса... дяденька...

ГОРСКИЙ (*за дверью*). Смелей, смелей, Федор Кузмич... Она одна... в гостинной...

Явление V

Входят Горский и Бражкин.

ГОРСКИЙ. Лизанька, я веду к тебе гостя, Федора Кузмича...

БРАЖКИН (*подходит к руке Лизаньки*). Здравствуйте, Лизавета Петровна... извините-с...

ГОРСКИЙ. Что тут за извинения – люди знакомые – не в первый раз видите друг с другом. (*На ухо Бражкину*). Ну, смелей!..

БРАЖКИН (*на ухо Горскому*). Постойте-с, Николай Матвеич, не надо торопиться – чтоб не испортить дела... сперва нехудо навести справки... (*Вслух*). Как ваше здоровье, Лизавета Петровна? – то есть – всё ли вы в добром здоровье? Другими словами – как вас бог милует?..

ЛИЗАНЬКА. Благодарю вас. Я – слава богу – здорова. Вы как?

ГОРСКИЙ (*про себя*). Здорова!.. а сама бледна – глаза красные – видно, что плакала... Уж эти мне слезы, чтоб век мне ими плакать!.. (*Вслух*). Лизанька, мы пришли к тебе за делом... Присядемте-ко – садитесь-ко, Федор Кузмич, да начинайте, а то ведь и конца не будет... Пуще всего не забывайте, что мое дело – сторона...

БРАЖКИН. Да-с, то есть, оно известное дело – кто в беде, тот и в ответе... (*Про себя*). Ай! да у меня язык прилип к нёбу... и губернатора так никогда не трусил... (*Вслух*) Лизавета Петровна... (*Молчание*).

ЛИЗАНЬКА. Что вам угодно, Федор Кузмич?

БРАЖКИН. Мне?... то есть – что мне угодно?.. Да-с, есть дельце... то есть, покорнейшая просьба до вас...

ЛИЗАНЬКА. Просьба?.. До меня?..

БРАЖКИН. Именно так-с... просьбица к вам... и резолюцию вы же извольте наложить... Вам не безызвестно, что я три трехлетия сряду был, по воле дворянства, судьей-с... имею пряжку за пятнадцатилетнюю беспорочную службу...^[18] Именьице тоже порядочное-с – триста душ по последней ревизии... чистых, незаложенных... нынче это редкость... чин небольшой... титулярный... да ведь нынче чины-то дают не за выслугу-с... а за ученье... не как прежде... то есть, сколько ни служи, а именьица не скопишь порядочного... чтобы под старость кусок хлеба иметь-с... (*Покашливает, сморкается и нюхает табак*).

ГОРСКИЙ (*про себя*). Ну, занес! и смолоду умен не был, а под старость и совсем дурак стал! (*Вслух*). Да это, Федор Кузмич, слишком подробно – прямее к делу!

БРАЖКИН. Нет, уж позвольте, Николай Матвеич, я всегда поступал, как прилично солидному и благоразумному человеку... когда служил, так ни одной бумаги не подпишу, бывало, пока секретарь десять раз не растолкует... Бывало, так перо в руки и сует... Э, нет! Семен Авдеич, говорю ему, я люблю аккуратность, чтоб после оглядок не было... ведь неравен час... Итак-с, с позволения вашего, Лизавета Петровна, то есть, всего титулярный... зато пряжка за пятнадцатилетнюю беспорочную службу...^[19] От батюшки-покойника досталось мне сто душ, да за покойницей женой взял я пятьдесят... а теперь у меня до трехсот имеется... то есть – не расточил, а приумножил-с... Три года живу в деревне, без жены и без должности... занимаюсь устройством хозяйства... детей только двое-с... Федюше четырнадцать, а Маша по двенадцатому годочку... воспитаны в страхе божем...

ЛИЗАНЬКА. Я всё это давно уж знаю, Федор Кузмич – ведь вы старинный приятель дяденьки, и я еще с ребячества знаю вас и детей ваших и помню вашу Авдотью Сидоровну... Так к чему же все эти подробности?..

БРАЖКИН. Так нужно-с... для аккуратности больше... чтоб после оглядок не было... позвольте всё сказать... Послужной список без замечаний... три года служил судьей... из сего

следует: наскучив вдовством, которое несообразно с моим характером и привычками... иногда – знаете – скучно, коли и побраниться не с кем... я давно имел желание снова вступить в законное супружество... Зная вас, как девицу, исполненную достоинств и воспитания, благоразумную – то есть – солидную, я давно уже намекал Николаю Матвеичу о моем намерении предложить вам руку и сердце – как нынче говорят, да Николай Матвеич всё как-то нерешительно объяснялись по этому предмету, отговариваясь вашею молодостию и несообразностию наших лет... но нынешний день я приехал с тем, чтобы требовать решительного ответа, *ибо* дальнейшее отлагательство *оного*, особливо в случае отказа, может быть причиною, что я упущу другую какую-нибудь выгодную партию...

ЛИЗАНЬКА. Я, конечно...

БРАЖКИН (*перебивая ее*). Позвольте, позвольте, Лизавета Петровна... мне всегда трудно приступить к делу и начать речь – а коли уж начал – люблю аккуратность... Дайте же мне всё сказать... Итак-с, нынешний день я приехал за решительным ответом... Николай Матвеевич сказали мне, что они-де не хотят ни приневоливать, ниже советовать... то есть, по-нынешнему... да это с одной стороны и хорошо... то есть, показать вид, что не хочу неволить... то есть – даю волю... Пойдемте, говорит, Федор Кузмич, вместе – она-де теперь в гостиной, и вы при мне и сделаете предложение... Не захочет – жаль, а делать нечего; согласится – очень рад войти в родство с старинным приятелем и почтенным человеком... Вот-с мы к вам и пришли... Конечно-с, я человек не молодой... мне уж за пятьдесят... да зато нрав у меня смиренный... мухи не трону... После обеда люблю всхрапнуть – а вечером главное занятие в мушку – очень приятная игра-с... я вас выучу... Вообще я надеюсь, что вы,^[20] как благоразумная девица, будете смотреть больше на существенность... Надо, чтоб муж был человек опытный, мог руководить женою... не пылил бы, а любил... (*Встает и кланяется*). Вот теперь я сказал всё аккуратно и жду вашего решения... Не прикажете ли, как велит закон, выйти просителю из присутствия?..

ЛИЗАНЬКА. Да-с... конечно... мне надо подумать... я скажу дяденьке...

БРАЖКИН. Хорошо-с, Лизавета Петровна, я оставлю вас с ним одних-с. (*Уходит*).

Явление VI

Лизанька и Горский.

ЛИЗАНЬКА. Дяденька, что всё это значит?

ГОРСКИЙ. Как что? Разве ты не видела и не слышала?

ЛИЗАНЬКА. Вы нынешний день необыкновенно веселы, дяденька!.. Если нас такие комедии забавляют, то я, при всем моем отвращении к ним, готова забавлять вас...

ГОРСКИЙ. Что это значит?

ЛИЗАНЬКА. Как что? Разве вы не видели и не слышали?

ГОРСКИЙ. Да не понял.

ЛИЗАНЬКА. Я также, дяденька.

ГОРСКИЙ. Кто ж нам растолкует?

ЛИЗАНЬКА. Начнемте с вас. Скажите мне, что значит сватовство Бражкина?

ГОРСКИЙ. Как что? Оно значит ни больше, ни меньше, как сватовство...

ЛИЗАНЬКА. Но, милый дяденька, вы мучите меня вашим тоном. Бога ради, скажите, – вы шутите или нет?..

ГОРСКИЙ. Но, моя милая, разве я говорил что-нибудь – говорил Бражкин, а я только слушал. Коли он тебе не нравится – я не принуждаю тебя.

ЛИЗАНЬКА. Но разве вы могли подумать, что он может мне понравиться?

ГОРСКИЙ. Это не мое дело, милая. Мой долг был довести до твоего сведения, а во всем прочем – мое дело сторона.

ЛИЗАНЬКА. Разве вам не известно, что я и прежде знала о затеях Бражкина? Вы также о них знали? Неужели же вы не могли отказать ему наотрез, не приводя его ко мне и не заставляя меня слушать пошлости старого глупца?..

ГОРСКИЙ. А почему же он глупец? Не нравится – дело другое, и в этом тебе никто не указ. Но человек он добрый, почтенный...

ЛИЗАНЬКА. Да... в самом деле... и достаточный... Я теперь даже не вижу причины, почему бы должна была отказать ему...

ГОРСКИЙ. Да, ты вольна и отказать и дать слово... это совершенно в твоей воле... Но я... мой долг... Тебе не вечно же жить у меня... Я становлюсь стар... ты в таких летах, что надо подумать, чтоб тебе пристроиться... Замужество – одна дорога для женщины...

ЛИЗАНЬКА. Вы, дяденька, так основательно рассуждаете и так убедительно говорите, что я невольно соглашаюсь с вами... В самом деле... я сирота... у меня нет отца... матери... Мое положение со дня на день становится страннее... тяжелее. (*Звонит*). Маша! Маша!..

ГОРСКИЙ. Что ты хочешь делать?

ЛИЗАНЬКА. То, за что вы меня похвалите. (*Входит Маша*). Позови сюда Федора Кузмича.

Маша. Слушаю-с. (*Уходит*).

ГОРСКИЙ. Зачем же его сюда? Я лучше сам скажу ему, что ты не согласна...

ЛИЗАНЬКА. Да я совсем не то хочу сделать, дядюшка... И в таких летах, что надо подумать, как бы пристроиться... вы становитесь стары... замужество одна дорога для женщины... (*Молчание*).

ГОРСКИЙ. Да... так... конечно... Но что же ты хочешь сделать?

ЛИЗАНЬКА. Выйти за Бражкина, а сперва сказать ему об этом.

ГОРСКИЙ. Сумасшедшая, злая девочка!.. Да кто же тебя принуждает к этому?.. Выйти за старого дурака, подьячего!..

ЛИЗАНЬКА. Нет, дяденька, за доброго, почтенного, человека...

ГОРСКИЙ. А!..

ЛИЗАНЬКА. Что ж тут странного? Не сами ли вы хотели этого?..

ГОРСКИЙ. Хотел?..

ЛИЗАНЬКА. Да, дяденька, хотели, и почему бы вы ни хотели – я исполню ваше желание... Да! ваше желание, дяденька, – вы не будете больше видеть в своем доме той, которую вы прежде так нежно, так отечески любили, а теперь...

ГОРСКИЙ. Силы небесные!.. Что говорит она!..^[21] (*Падает в кресла*). Но нет, – это или во сне... или я с ума сошел... (*Хватается руками за голову*).

Явление VII

Те же и Бражкин.

БРАЖКИН. Что ж хорошенького скажете, Лизавета Петровна? Какое решение воспоследовало? Надо всё сделать по форме, а главное – аккуратно. Что же вы мне скажете?

ЛИЗАНЬКА. Я... решилась..... (Горский пристально и дико смотрит на нее).

БРАЖКИН. Решились?.. Скоренько – надо бы попросить отсрочки дня на три... подумать... то есть так водится... такая уж форма...

ЛИЗАНЬКА. Я решилась сама сказать вам.

БРАЖКИН. Да – что вы, то есть, согласны... не хотите замедлять решения судебными формами... Да – дело девичье... молодое... форм не знают... Да оно и лучше – что тянуть!..

ЛИЗАНЬКА. Да, я решилась сама сказать вам, не утруждая дяденьки, что хотя я и чувствую цену чести... которую вы мне делаете... Вы человек почтенный... достойный любви... но... извините... я не могу.... (*Упадает в изнеможении на стул, закрывая глаза руками*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Далее в рукописи (ниже сокращенно – Р) зачеркнуто простым карандашом:

2.

Слова: да только творишь молитву – в Р цензурой густо зачеркнуты красным карандашом и чернилами (повидимому, рукой цензора).

3.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

4.

Вместо: Как хочешь, а я – в Р: Хочешь или нет, приятно тебе или неприятно, но я. Эта переделка, перешедшая в печатный текст, произведена в рукописи простым карандашом рукой М. С. Щепкина.

5.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

6.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

7.

Фраза: Подойди-ко поцелуемся – вставлена в Р карандашом рукой М. С. Щепкина. Эта вставка вошла в печатный текст.

8.

Далее в рукописи зачеркнуто простым карандашом:

9.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

10.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

11.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

12.

Далее в Р незачеркнутая фраза, которой нет в печатном тексте:

13.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом: Нынче я видела во сне батюшку... Он смотрел на меня так грустно... так грустно... и точно в таком виде, как прощался с нами, когда судьба и злые люди отнимали его у нас... Я как теперь помню этот день, хоть этому уже двенадцать лет и я была восьмилетним ребенком... Целые два года ни письма, ни известия... а на третий... известие о его смерти... Маменька для нас не существует и в воспоминании: мы были слишком малы, когда она умерла... Мы сироты... Счастлива сестра! Она ни о чем не думает и всегда

весела... Конечно, у нее сердце доброе, любящее... но в ней всё проходит так же скоро, как и приходит... Видно, приходится одной всё терпеть, всё нести на себе (молчание).

14.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

15.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

16.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом:

17.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом – очевидно, для спектакля, – а потом всё восстановлено в печатном тексте:

18.

Фраза: имею пряжку за пятнадцатилетнюю беспорочную службу – в Р густо зачеркнута красным карандашом и чернилами (рукой цензора). В печатном тексте восстановлена.

19.

Фраза: зато пряжка за пятнадцатилетнюю беспорочную службу – в Р густо зачеркнута красным карандашом и чернилами (рукой цензора); в печатном тексте восстановлена.

20.

Слов: что вы – в Р нет. Слова: как благоразумная девица – вставлены в Р над строкой, повидимому, М. С. Щепкиным.

21.

Далее в Р зачеркнуто простым карандашом: Дитя проклиняет отца своего!..